

ПОЭТИКА ОБРАЗОВ ТРЕХ СЕСТЕР
В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Имеются в виду сестры во Христе, которых Бог посылает Раскольникову, сознательно «отрезавшему» себя от людей, в том числе и родных. Его одиночество и «метафизическое сиротство» (термин К. А. Степаняна) ярко проявляются в сцене встречи с матерью и сестрой: «...руки его не поднимались обнять их: не могли» (6, 150); «родственный тон разговора» ему решительно был невыносим (6, 178).

В ожесточении Раскольников говорит: «...ничего мне не надо, слышишь, совсем ничего... ничьих услуг и участия... Я сам... один... Ну и довольно! Оставьте меня в покое!» (6, 88). С этими словами он уходит от Разумихина, но Бог тут же посылает ему новых «сестер», пожилую купчиху и девушку, «в шляпке и с зеленым зонтиком, вероятно дочь. “Прими, батюшка, ради Христа”. Он взял...» (6, 89), но потом «разжал руку, пристально поглядел на монетку, размахнулся и бросил ее в воду; затем повернулся и пошел домой. Ему показалось, что он как будто ножницами отрезал себя сам от всех и всего в эту минуту» (6, 90). Отказ от подаяния «ради Христа» здесь обозначает отпадение от «сестер».

И хотя чувство кровной и христианской любви в герое задвлено, Бог не оставляет его, обнаруживая свое незримое присутствие. Можно сказать, что это глубинный, мистический сюжет романа. Он поначалу остается «темным» для героя, у читателя же есть возможность проявить его через систему сцепляющихся мотивов и авторских указаний на провиденциальный смысл происходящих событий.

Вот одно из них. Раскольникову кажется, что он совсем отделился от всех: «...хоть и всегда почти был один, никак не мог

почувствовать, что он один. Случалось ему уходить за город, выходить на большую дорогу, даже раз он вышел в какую-то рощу; но чем уединеннее было место, тем сильнее он сознавал как будто чье-то близкое и тревожное присутствие...» (6, 337); в особенности это касается Сони Мармеладовой. Инстинктивно Раскольников тянется прежде всего к ней как к сестре во Христе. После убийства Алены Ивановны и Лизаветы Ивановны Раскольников приходит именно к Соне, уже практически отрекшись от родных по крови. В первый визит к Соне он говорит: «Я сегодня родных бросил <...> мать и сестру. <...> У меня теперь одна ты...» (6, 252). Тем не менее герой понимает, что Соня выполняет заместительную функцию: «...сердце его сжалось, на нее глядя. “Эта-то, эта-то чего? – думал он про себя, – я-то что ей? Чего она плачет, чего собирает меня, как мать или Дуня?”» (6, 403).

Отметим здесь варьирование мотива кровного и духовного родства героев и героинь. По сути, в романе доказывается, что отношения христианского родства оказываются более сильными узами, чем кровные связи. Об этом свидетельствуют слова Христа: «И, указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот матерь Моя и братья Мои; ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и матерь» (Мф. 12:49–50). С этимологической точки зрения часто употребляемое в Новом Завете греческое слово «αδελφος» – брат, множ. число «αδελφοι» – братья или брат и сестра, первоначально означало связь по физическому рождению.

Христианство вложило в этот термин абсолютно новый смысл, и слово «αδελφος» уже в эпоху первоначального христианства стало означать человека вообще, независимо от его происхождения и религиозно-нравственного состояния, т. е. независимо от того, «свой» он или «чужой», хороший или дурной. Такое «родство» возможно только в отношениях к Богу – Отцу небесному и Сыну Божию – Христу.¹

Драматизм и даже трагизм перехода из одной «родственной» системы в другую подтверждается, например, эволюцией отношений между Дуней и Родионом Раскольниковыми. «– До завтра, брат, – с состраданием сказала Дуня <...> – Слышишь,

---

¹ *Зарин С. М.* Аскетизм по православно-христианскому учению. М., 1966. С. 486.

сестра <...> этот брак – подлость <...> ты не должна <...> такую сестру сестрой считать не буду» (6, 152). Окончательное «примирение брата с сестрой» происходит на христианской почве:

– Ты плачешь, сестра, а можешь ты протянуть мне руку?

– И ты сомневался в этом?

Она крепко обняла его. (6, 399)

В романе есть фраза, точно передающая взаимообратимый смысл кровного и христианского родства: «Трудно было Дуне, но она любила его!» (6, 401).

Одной из важнейших особенностей поэтики образов «сестер» Раскольниковых является их эмблематическая соотнесенность, в результате чего они выступают как двойники друг друга, как родственные персонажи благодаря реализации принципа взаимоотражений, взаимозамещений, или, по-другому, «принципа *qui pro quo*».² Имеются в виду фигуративные отношения, которые проявляются через общие положения, мимику, жесты героинь.

Принцип «*qui pro quo*» особенно четко проявляется в отношениях «трех сестер» Раскольниковых: Лизаветы, Сони, Дуни. В его сознании они функционально замещают друг друга. Так, совершенно схожи характерами Соня и Лизавета: обе «робкие, смиренные и пугливые», «тихие, кроткие, безответные». «Лизавета! Соня! Бедные, кроткие, с глазами кроткими...» (6, 212), – соединяет их Раскольников. У Сони такая же участь, как и у него: теряя одну сестру, Лизавету, она обретает другую – Дуню.

В момент признания, смотря на Соню, он «вдруг, в ее лице, как бы увидел лицо Лизаветы», с тем же выражением детского испуга и ужаса. Своеобразное двойничество героинь становится еще более очевидным благодаря параллельной соотнесенности с «двойниками-близнецами» Раскольниковым и студентом, который в трактире разговаривал с офицером о старухе-процентщице и Лизавете. Студенту «из странности» нравится «тихая, кроткая» Лизавета, а Раскольникову – тоже «тихая и кроткая» Сонечка. Обе, по его словам, «юродивые». И о той и о другой в романе говорится: «...совсем-то <...> как ребенок малый» (6, 51).

---

² Клейман Р. Я. Достоевский: константы поэтики. Кишинев, 2001. С. 101.

Георгий Мейер, вскрывая мистический смысл этого «союза сестер», писал: «Земное существование убитой Лизаветы продолжается для Раскольникова в образе Сони».³ Образ кроткой Лизаветы в сознании Раскольникова функционально равнозначен образу тихой Сони. «Лизавета и Соня для него одно».⁴

После убийства Алены Ивановны и Лизаветы место последней рядом с Соней занимает Дуня, тоже готовая пожертвовать собой ради близких. Дуня любит брата, как пишет ему мать, «беспредельно, больше себя самой любит». Раскольников, сознавая это, проецирует на мать и сестру христианскую самоотверженность Сони: «О милые и несправедливые сердца! Да чего: тут мы и от Сонечкина жребия, пожалуй что, не откажемся! Сонечка, Сонечка Мармеладова, вечная Сонечка, пока мир стоит!» (6, 38)

Общий жертвенный жребий «трех сестер» подтверждается мотивом амбивалентной «чистоты», выражающей вынужденную необходимость продавать себя. Мармеладов говорит Раскольникову о Сонечке: «Понимаете ли, понимаете ли, сударь, что значит сия чистота?» (6, 20). Затем семантика данного мотива воспроизводится Раскольниковым в отношении Дуни: «А и выходит тогда, что опять, стало быть, *“чистоту наблюдать”* придется. Не так что ли? Понимаете ли, понимаете ли вы, что значит сия чистота? <...> “Дорого, дорого стóбит, Дунечка, сия чистота!”» (6, 38)

Раскольников дословно повторяет Мармеладова, только переводя вопрос в восклицание. Он находится в той же ситуации, когда жертва дорогого человека оказывается неизбежной. Под конец Раскольников ее понимает и принимает, видя, что обе его «сестры» приходят к нему с любовью, обе протягивают ему руку без отвращения и содрогания, а только с безмерной скорбью и состраданием. Примечательно, что автор почти буквально повторяет в описании реакции Дуни детали из описания поведения Сони: «Ее взгляд, неподвижно устремленный на него, изображал ужас и неутомимую скорбь. И по одному этому взгляду он уже понял сразу, что ей всё известно» (6, 398). Обе героини в этот момент в отчаянии вскрикивают: «Ведь ты кровь

---

³ Мейер Г. Свет в ночи (о «Преступлении и наказании»). Опыт медленного чтения. Франкфурт-на-Майне, 1967. С. 65.

⁴ Там же. С. 373.

пролил!», заставляя героя опомниться и понять, что он «сделал несчастными этих двух бедных женщин» (6, 400).

В романе есть зеркальная сцена, подтверждающая духовное родство Сони и Дуни: «Вдруг дверь отворилась, и вошла Авдотья Романовна. Она сперва остановилась и посмотрела на него с порога, как давеча он на Соню...» (6, 326). Думая о Дуне, Раскольников вспоминает Соню. Они обе ждут его в день признания в полицейской конторе. Дуня говорит: «– Я целый день сидела у Софьи Семеновны; мы ждали тебя обе. Мы думали, что ты непременно туда зайдешь. <...> – Слава Богу! А как мы боялись именно этого, я и Софья Семеновна!» (6, 399). Обе плачут над ним, как Марфа и Мария над Лазарем.

Мистическое значение приобретает крестная связь героинь, подчеркнутая Достоевским через целенаправленную актуализацию архаического обряда «обмена нательными крестами, в результате которого устанавливаются особые отношения духовного родства, считавшиеся даже в народе более сильными узами, чем кровное родство.⁵

У Алены Ивановны, Лизаветы и Сони одинаковые «два креста, кипарисный и медный», о которых Раскольников говорит: «Я знаю тоже подобных два креста, серебряный и образок. Я их сбросил тогда старушонке на грудь» (6, 403), но они к нему вернулись. «Соня молча вынула из ящичка два креста, кипарисный и медный, перекрестилась сама, перекрестила его и надела ему на грудь кипарисный крестик» (6, 403). «На, возьми вот этот, кипарисный. У меня другой остался, медный, Лизаветин. Мы с Лизаветой крестами поменялись, она мне свой крест, а я ей свой образок дала. Я теперь Лизаветин стану носить, а этот тебе. Возьми... ведь мой! Ведь мой! – упрашивала она. – Вместе ведь страдать пойдем, вместе и крест понесем!» (6, 324).

В ответ Раскольников добавляет: «...медный – это Лизаветин, себе берешь, – покажи-ка? Так на ней он был... в ту минуту?» (6, 403). Герой ошибается, как пронизательно заметил Б. Н. Тихомиров,⁶ ведь в минуту убийства на Лизавете был Сонин образок. Получается, что он убил свою крестную сестру.

⁵ Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 142.

⁶ Тихомиров Б. Н. «Лазарь! Гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении. Книга-комментарий. СПб., 2005. С. 413.

Это страшное понимание приходит к Раскольникову в момент признания, когда он смотрел на Сою:

...и вдруг, в ее лице, как бы увидел лицо Лизаветы. Он ярко запомнил выражение лица Лизаветы, когда он приближался к ней тогда с топором, а она отходила от него к стене, выставив вперед руку, с совершенно детским испугом в лице, точь-в-точь как маленькие дети, когда они вдруг начинают чего-нибудь пугаться, смотрят неподвижно и беспокожно на пугающий их предмет, отстраняются назад и, протягивая вперед ручонку, готовятся заплакать. Почти то же самое случилось теперь и с Соней: так же бессильно, с тем же испугом, смотрела она на него несколько времени и вдруг, выставив вперед левую руку, слегка, чуть-чуть, уперлась ему пальцами в грудь и медленно стала подниматься с кровати, всё более и более от него отстраняясь, и всё неподвижнее становился ее взгляд на него. Ужас ее вдруг сообщился и ему: точно такой же испуг показался и в его лице, точно так же и он стал смотреть на нее, и почти даже с тою же *детскою* улыбкой (6, 315).

В комментариях приведенной сцены обычно подчеркивается поразительное сходство реакций и жестов обеих героинь, но ведь их психологическим и пластическим двойником является здесь и Раскольников. Герои оказываются мистически связаны, они действительно «вместе»: и Лизавета, и Раскольников, и Соня. «Лизавета! Лизавета! – горько вскричала она, смотря на ее крест и вдруг вспомнив о ней: – Молись об ней, молись! Она простит, простит, я знаю...» (7, 290).

Соня как бы выступает от имени Лизаветы, передавая от нее и прощение, и благую весть. Примечательно, что Сонино чтение Евангелия Раскольникову является зеркальным повторением «таинственных сходов» Сони и Лизаветы: «Мы с ней читали и... говорили. Она Бога узрит. Странно звучали для него эти книжные слова...» (6, 249). Узрев Бога, Лизавета прощает своего крестного брата, и Соня это «знает».

В свое время мистический смысл христианских отношений между героинями и Раскольниковым вскрыл в замечательно глубоком комментарии Георгий Мейер: «Соня с Лизаветой стали близнецами в Духе, поистине крестовыми сестрами в высшей реальности бытия. И к этой высшей *крестовой* реальности Соня приобщила Раскольникова в ту минуту, когда, перекрестившись, надела на него свой собственный крестик, кипарисовый, “простонародный”, как отмечает Достоевский, а себе оставила медный. Так включила Соня кровавого злодея

в круговую поруку спасения во Христе»,⁷ от которой отпадает старуха-процентщица, хотя и отдает, по завещанию, все деньги в монастырь в качестве своеобразного залога за «вечный помин души».

Надевая на грудь Раскольникову крест, Соня верит в его чудотворную, спасительную силу, столь необходимую для грядущего раскаяния и воскресения убийцы. В журнальном варианте «Преступления и наказания» евангельское значение образа Сони Мармеладовой, по отношению к Раскольникову выполняющей роль сестры Марии при Лазаре, было выражено резче: «Милый! воскресни! <...> Мы вместе... вместе... вместе и воскреснем... И Бог благословит...» (7, 289).

К финалу романа полностью определяются отношения между Соней, Дуней и Раскольниковым как между Марией, Марфой и Лазарем. Авторская актуализация евангельской модели здесь вполне очевидна: «Не станем передавать подробностей разговора и слез обеих женщин, и насколько сошлись они между собой. Дуня из этого свидания, по крайней мере, вынесла одно утешение, что брат будет не один: к ней, Соне, к первой пришел он со своею исповедью; в ней искал он человека, когда ему понадобился человек; она же и пойдет за ним, куда пошлет судьба» (6, 402).

---

⁷ Мейер Г. Свет в ночи... С. 373–374.